

¹³ Конъюнктура товарооборота на БЦТБ // Башкирский край. 1924. № 1. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ История Уфы / Под ред. Р.Г. Ганеева. Уфа, 1981. С. 284.

¹⁶ Конъюнктура товарооборота на БЦТБ // Башкирский край. 1925. № 2–3. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 16–17.

Е.Т. Артемов
(Екатеринбург)

КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА В ХРУЩЕВСКОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ НОВАЦИИ*

Сегодня считается общепризнанным, что механизмы политико-административной экономики в СССР были созданы в 1930-е гг. Они основывались на жесткой властной вертикали и монополии государственной собственности. В отсутствии рыночных регуляторов развитие советской экономики направлялось бюрократическими структурами. Они же координировали деятельность хозяйствующих субъектов, планировали объемы, номенклатуру и потребителей выпускаемой продукции, мотивировали непосредственных производителей и т.д. Такая экономика получила наименование командной¹. Принципам ее организации, эволюции управленческого контура посвящена обширная литература². Однако полной картины как функционировала экономика «реального социализма» пока нет. В результате в литературе появляются плохо согласующиеся оценки. С одной стороны, акцентируется внимание на централизованном характере экономики и роли личного фактора в ее развитии. С другой — подчеркивается низкая результативность решений высших органов управления, их ограниченное влияние на экономические процессы. Отсюда делаются далеко идущие выводы. Так, ряд исследователей считает, что где-то во времена Н.С. Хрущева командная экономика превратилась в так называемую экономику согласований. Идущие сверху приказы заменил бюрократический торг. Это, якобы, был единственно возможный ответ социалистической системы, основанной на принципе сознательного регулирования хозяйственной деятельности, на требования научно-технической революции и рост масштабов производства³. В результате утвердилась качественно иная модель его управления. По сути это означает противопоставление экономики «сталинской диктатуры» экономике времен «брежневского авторитаризма» и «реформаторства Горбачева». Однако подобные выводы требуют развернутого обоснования. Думается, что многое может прояснить анализ управленческих новаций хрущевского руководства. Их содержание достаточно хорошо освещено в конкретно-историческом плане. Тем не менее, остаются вопросы, как изменения в структуре и механизмах управления вписывались в логику трансформации советской системы, что определяло их направленность, каковы были последствия. Контуры возможных ответов и предлагаются в данном докладе.

Ревизия системы управления экономикой, сложившейся в последние годы жизни И.В. Сталина, началась практически сразу после его смерти. Вдохновителем перемен выступил Н.С. Хрущев, занявший пост первого секретаря ЦК. Их суть заключалась в расширении властных полномочий партийных органов всех уровней. В ка-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00144а.

кой-то мере это было восстановлением практики начала 1930-х гг. Тогда главные решения, реализуемые в «советском порядке», как правило, готовились и предварялись соответствующими постановлениями политбюро ЦК. Однако уже накануне войны центр тяжести в руководстве экономикой стал перемещаться в правительство⁴. Это оказало непосредственное влияние на механизм функционирования власти, содержание деятельности ее структур, да и на всю политику. Отдельные попытки пересмотреть такой порядок жестко пресекались⁵. Естественно, это вызывало недовольство партийных функционеров. Оно зримо проявилось в борьбе за сталинское наследие. Проигравший схватку Л.П. Берия на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС был обвинен представителем партийной иерархии Н.С. Хрущевым в стремлении всячески принизить роль партии, отодвинуть ее «на второй план»⁶. На деле, однако, это была не позиция «карьериста» и «шпиона», а реальная практика управления страной. Красноречивым тому подтверждением являлась организация работы по «проблеме № 1», созданию атомной бомбы, считавшейся главным государственным приоритетом. Соответствующие решения готовились и реализовывались через состоящий при правительстве Спецкомитет и подведомственные ему структуры. Никакие организации и лица не имели права вмешиваться в их деятельность, включая любые партийные инстанции. Показательно, что в официальном многотомном издании «Атомный проект СССР» включено всего лишь несколько партийных решений. Это постановления Политбюро ЦК, санкционирующие некоторые кадровые перемещения в руководстве «проблемой № 1». Остальные документы — постановления и распоряжения Совета Министров СССР, Спецкомитета, Первого главного управления при СМ СССР и т.д.⁷ Аналогичные подходы наблюдались в организации работ по «проблеме № 2» — созданию ракетной техники, в качестве перспективного средства доставки ядерного оружия, и по «проблеме № 3» — развертыванию системы противовоздушной обороны Москвы, способной отразить массированную ядерную атаку. Они также в конечном счете были замкнуты на возглавляемый Л.П. Берией Спецкомитет⁸.

Его смещение было использовано для дискредитации прежних методов управления. Это произошло уже на июльском (1953 г.) пленуме ЦК по «делу» Л.П. Берии. В своем постановлении он квалифицировал отстранение партийных инстанций, включая политбюро ЦК, от участия в решении «важнейших» вопросов «государственной работы и хозяйственного строительства» как «ненормальность», подлежащую немедленному исправлению⁹. Эта установка усиленно пропагандировалась Н.С. Хрущевым после пленума ЦК¹⁰. Но дело не ограничилось декларациями. Обсуждение стратегических вопросов развития экономики было перенесено на Президиум ЦК. Для подготовки проектов соответствующих решений была восстановлена практика создания специальных комиссий. Их могли возглавлять и высшие партийные функционеры, и руководители органов государственного управления. Но в любом случае представительство центрального партийного аппарата было обязательным. Свои предложения комиссии докладывали на Президиуме ЦК. Затем, с учетом состоявшегося «обмена мнениями», они оформлялись как постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Подобный порядок институционально закреплял приоритет первого секретаря ЦК в определении стратегии экономического развития. Соответственно возрастала

роль центрального партийного аппарата. Он стал играть ключевую роль в подготовке заседаний высшего руководства, на которых принимались стратегические решения. Расширилась и сфера его компетенции. В частности с созданием отдела оборонной промышленности ЦК повседневная практика «наблюдения и контроля» со стороны партийных органов за развитием приоритетного сектора народного хозяйства стала реальным фактом. В то же время были ликвидированы надведомственные структуры правительства, отвечавшие за руководство крупными народнохозяйственными комплексами. Вслед за упразднением Спецкомитета, произошедшим в день «разоблачения» и ареста его председателя Л.П. Берии, такая же судьба постигла отраслевые бюро Совмина СССР. Эта мера негативно сказалось на организации работы по крупным, межотраслевым проблемам. Наиболее остро его последствия ощущались в оборонной сфере. Чтобы исправить ситуацию, в феврале 1955 г. в качестве постоянно действующего органа был создан Совет Обороны. Его главная задача заключалась в согласовании запросов вооруженных сил с возможностями экономики. По сути, он стал высшей инстанцией при решении вопросов, связанных с разработкой и производством вооружения. Для их подготовки при Совете Обороны создавались специальные структуры. Так был образован Военный научно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию. Показательно, что его председателем, также как и председателем самого Совета обороны, стал первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев¹¹.

В последующие годы партийное влияние продолжало стремительно нарастать. Этому способствовало устранение в феврале 1955 г. с поста председателя Совмина СССР Г.М. Маленкова, отстаивавшего прежние принципы руководства страной. Однако переломным стал 1957 г. С разгромом на июньском пленуме ЦК так называемой «антипартийной группы» первенство партийного аппарата утвердилось окончательно¹². Но еще до этих событий Н.С. Хрущеву и его команде удалось серьезно ослабить позиции государственного аппарата. В январе 1957 г. он выступил с проектом реорганизации руководства экономикой¹³. Его ключевая идея заключалась в ликвидации промышленных министерств и создании вместо них территориальных органов управления. Необходимость такой перестройки мотивировалась экономической целесообразностью. Утверждалось, что предельная «централизация» и «регламентация» оборачивается нерациональным использованием материальных и человеческих ресурсов. Выстроенные строго по вертикали ведомственные органы оторваны от непосредственных производителей, не знают их возможностей и нужд. Они создают труднопреодолимые барьеры для межотраслевого взаимодействия, затрудняют кооперацию хозяйствующих субъектов, ограничивают инициативу «масс» и т.д.

Действительно, все эти проблемы имели место. Но вопрос заключался в другом — в адекватности предлагаемых способов их решения. Не случайно ряд крупных хозяйственников (председатель Госэкономкомиссии М.Г. Первухин и его заместитель А.Н. Косыгин, первый заместитель председателя Совмина СССР М.З. Сабуров, председатель Госкомиссии СМ СССР по перспективному планированию Н.К. Байбаков и другие) высказывали осторожное сомнение по поводу радикальных преобразований. Однако наиболее непримиримую позицию заняли будущие главные действующие лица «антипартийной группы». По оценке В.М. Молотова предложенный Н.С. Хрущевым проект реформы был «явно недоработан, страдает однобокостью и

без существенный исправлений может внести серьезные затруднения в аппарат управления»¹⁴. Однако к его мнению, как впрочем и других явных и скрытых оппонентов, не прислушались. После одобрения высшими партийными инстанциями и «всенародного» обсуждения, в мае 1957 г. реформу узаконили на специальной сессии Верховного Совета СССР¹⁵. А сопротивление ей со стороны участников «антипартийной группы» июньский пленум ЦК квалифицировал почти как преступление¹⁶. В то же время реформу активно поддержали представители центрального и местного партаппарата¹⁷. Это, впрочем, не помешало А.Н. Шелепину, выходцу из этих кругов и активному защитнику реформы, объявить, когда снимали Н.С. Хрущева, о ее ошибочности, большом «вреде» для производства и науки¹⁸.

Такое размежевание позиций объяснялось не только экономическими причинами. «Политический детерминизм» в реорганизации системы руководства промышленностью давно был подмечен исследователями¹⁹. С одной стороны, совнархозовская реформа хорошо согласовывалась с десталинизацией режима. С освобождением от чрезмерных «пут» централизации связывались надежды на пробуждение общественной инициативы, стимулирование позитивного «творчества масс» при решении «проблем хозяйственного строительства». Такие взгляды разделялись многими. Понимая общественное настроение, политическое руководство своими реформами стремилось оправдать ожидания. Оно всячески подчеркивало, что его инициативы являются важным шагом на пути к подлинной «социалистической демократии», к «светлому будущему»²⁰.

С другой стороны, сталинская «пирамида власти», на вершине которой оказался Н.С. Хрущев, формировалась не им и не под него. Он попал на нее благодаря поддержке центрального партаппарата и большинства местных партийных руководителей. В государственной вертикали управления позиции Н.С. Хрущева были заметно слабее. Такое положение таило потенциальную угрозу для нового лидера и не устраивало ту часть правящей элиты, чьи интересы он выражал и защищал. Из сложившейся ситуации существовало два варианта выхода. Первый, эволюционный, предполагал постепенную перестройку системы управления, перекраивание ее под новое руководство преимущественно за счет кадровых перестановок. Такой путь требовал политических компромиссов, постоянного маневрирования, уступок оппонентам и не гарантировал успеха. Второй, более радикальный вариант, который и реализовали на практике, заключался в перестройке прежней системы руководства народным хозяйством сверху донизу, демонтаже ее основных структур. Одновременно автоматически решался вопрос с «человеческим материалом», их заполнявшим. Руководители, не признававшие безоговорочного авторитета Н.С. Хрущева, высказывавшие несогласие с его политикой, фактически устранялись от дел. Их отправляли «на места», назначали на относительно малозначимые должности²¹.

В то же время, создание территориальных органов управления промышленностью в рамках административных границ открывало новые возможности для местного партийного руководства. Если раньше они по свидетельству того же Н.С. Хрущева практически не имели возможности вмешиваться в дела предприятий союзного подчинения, то теперь могли реализовать свою «руководящую роль»²². К этому объективно подталкивала и сложившаяся ситуация. Радикальное ослабление отраслевой вертикали управления нужно было чем-то компенсировать. Отсюда ряд постановле-

ний ЦК, требовавших усилить контроль за производством со стороны местных партийных организаций²³. Для этого укреплялся их аппарат. Так в декабре 1957 г. Секретариат ЦК принял постановление о создании отделов оборонной промышленности в Центральном комитете компартии Украины и 23 обкомах и крайкомов Российской Федерации и УССР. Им вменялось в обязанность контролировать создание и внедрение в серийное производство военной и специальной техники на подведомственной им территории²⁴.

Но эти меры не давали ожидаемых результатов. Дело в том, что партийный аппарат, хотя бы в силу кадровых ограничений, не мог самостоятельно направлять процесс планирования, организации и мотивации производства. По сути, совнархозовская реформа вела к утрате реального контроля сверху за деятельностью хозяйствующих субъектов. В отсутствии рыночных регуляторов это дезорганизовывало экономику, вело к доминированию узкогрупповых и частных интересов. Они проявлялись в так называемом «местничестве», «рвачестве», утрате перспективы. Особую опасность совнархозовская реформа представляла для высокотехнологичного оборонного сектора промышленности. Она порождала труднопреодолимые барьеры для специализации и кооперации производства, проведения отраслевой технической политики. Иначе говоря, включение в ее орбиту оборонной промышленности угрожало обернуться трудновосполняемыми потерями в разработке и серийном выпуске военной техники. Поэтому для оборонно-промышленного комплекса система министерств (в декабре 1957 г. получили наименование государственных комитетов) сохранилась. Хотя их полномочия сузились до отраслевого планирования, руководства научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками, организации внедрения в производство новых образцов вооружения и контроля за их уровнем²⁵. Для этих целей им оставили институты, конструкторские бюро, опытные производства. Лишь Министерство среднего машиностроения сохранило в полном объеме прежнюю компетенцию. Удалось доказать, что эксперименты с атомной промышленностью могут иметь непредсказуемые последствия. Да и слишком уж был весом аппаратный вес и авторитет возглавлявшего ее ведомства. Правда, Н.С. Хрущев считал, что в будущем «и о Средмаше вопрос также решим», поступим как с другими министерствами²⁶.

В жизни, однако, все оказалось наоборот. Растущая автаркия территориальных хозяйственных комплексов, нарушение кооперационных связей, трудности с распространением научно-технических достижений и т.п. подрывали основы совнархозовской системы. Чтобы как-то исправить положение, она подвергалась перманентной перестройке. По большей части управленческие новации носили ситуативный характер. Но за ними просматривалась основополагающая тенденция. Уже в начале 1960-х гг. основные полномочия в сфере отраслевого планирования и руководства научно-техническим прогрессом перешли от совнархозов к государственным комитетам. В дополнение к существующим в оборонном секторе, они были созданы практически во всех отраслях промышленности²⁷. Одновременно укреплялись высшие государственные экономические органы. В их составе появились новые структуры: Совет народного хозяйства СССР, которому подчинили республиканские совнархозы, и ВСНХ, как высший орган государственной власти по руководству промышленно-

стью и строительством в стране. Тогда же произошло укрупнение местных совнархозов²⁸.

В оборонно-промышленном комплексе сохранению централизаторских начал в управлении способствовала деятельность созданной в декабре 1957 г. Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам²⁹. Это был надведомственный орган, призванный координировать деятельность госкомитетов по оборонным отраслям промышленности, направлять их взаимодействие с Министерством обороны и совнархозами административных экономических районов. Состав Комиссии был весьма представительным, а статус давал ей большие полномочия при определении приоритетов, планировании и координации деятельности предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса³⁰. Вместе с тем, власть Комиссии была строго ограничена. Она не имела подчиненных предприятий и организаций. Подготавливаемые ею решения приобретали силу закона только после их оформления в виде постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР и реализовывались через госкомитеты и совнархозы. Важнейшие же проблемы стратегического значения Комиссия выносила на обсуждение Совета Обороны. Не распоряжалась она и распределением материальных средств и бюджетных ассигнований. Для их получения требовалось решение ЦК или личное распоряжение Председателя Совета Министров, что с назначением на эту должность в 1958 г. Н.С. Хрущева означало одно и то же. Кадровые вопросы также находились вне власти Комиссии. Этим занимался Секретариат ЦК КПСС, а ее деятельность жестко контролировалась отделом оборонной промышленности Центрального Комитета³¹.

Но все это были паллиативные меры. Они не смогли компенсировать ослабление отраслевой вертикали управления. А как оказалось, только она могла удовлетворительно обеспечивать руководство деятельностью хозяйственных единиц. Эта ее роль была изначально заложена в советскую экономическую систему. Ведомства стали в ней неким катализатором в создании современных отраслей промышленности, «направляющей силой» модернизации общественного производства и, в конечном счете, превратились в основного регулятора экономического и научно-технического развития. Поэтому любые попытки исключить их из процесса управления неизбежно вели к серьезным сбоям в планировании, организации и мотивации производственной деятельности, утрате контроля за выполнением принятых «наверху» решений. Последовательное проведение подобной политики создавало реальную угрозу для самой социалистической системы. Так, собственно, произошло на ее излете. В ходе горбачевской «перестройки» резкое сужение полномочий отраслевых органов управления дало толчок к лавинообразному нарастанию деструктивных процессов в экономике. Ситуацию усугубило элиминирование партийного контроля за деятельностью субъектов хозяйствования. По меткому замечанию П. Грегори, «Горбачев создал худшее, что можно было придумать, — безголового монстра, потерявшего ориентацию. Оставленный на произвол судьбы, этот монстр метался во тьме, не направляемый ни министерствами, ни рынком. Экономика оказалась в состоянии свободного падения»³².

В годы хрущевского «десятилетия» до этого дело не дошло. Свою роль сыграло сохранение элементов отраслевой структуры управления, а ее ослабление в какой-то мере было компенсировано расширением компетенции центрального и местного

партаппарата. Но к черте, за которой следовала полная утрата управляемости системы, все же подошли очень быстро. Всю опасность инициированной им перестройки, видимо, осознал и сам Н.С. Хрущев. Отсюда обозначившийся еще при нем постепенный возврат к ведомственному принципу управления экономикой. Его смещение устранило последние препятствия на этом пути. Совнархозы были ликвидированы, а их место вновь заняли отраслевые министерства. Но возрождение ведомственной системы не означало прямого копирования механизмов управления экономикой времен позднего сталинизма. По крайней мере, можно заметить две существенные новации. Одна, заключалась в сохранении позиций центрального и местного партаппарата в сфере управления экономикой, завоеванных им в хрущевские годы. Вторая — в относительном повышении самостоятельности отраслевых министерств. Последнее отражало объективный процесс роста масштабов производства при одновременном расширении номенклатуры продукции. Такая тенденция просто не оставляла центральным органам возможности для всеобъемлющего контроля за деятельностью министерств. Отсюда наблюдалось фактическое перераспределение полномочий в пользу последних. Попытки разукрупнения министерств не решали проблемы. Да и в них самих все больший вес занимали промежуточные этажи управления: главки, объединения. В результате директивные указания теряли свое значение. Они подменялись процессом бюрократических согласований. Наряду с ослаблением административных санкций за невыполнение директивных заданий, это способствовало росту автономии бюрократических структур и отдельных предприятий. Попытки повысить координирующую и регулирующую роль центра за счет выборочного использования элементов классического рынка, предпринятые в ходе так называемой косыгинской реформы, не дали ожидаемого результата. Советская экономика «уверенно» вошла в полосу «застоя», закономерно завершившуюся ее крахом.

Примечания

¹ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952*. Chapel Hill, 1980. P. 484.

² Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1930-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Пыжиков А.В. Конфигурация и функционирование власти в СССР. 1945–1953 гг. М., 1999; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991; 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2000; Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия социализма. М., 2000; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002; Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // *Экономическая история*. 2003. М., 2004. С. 20–54; Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006; Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006; Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007 и др.

³ См.: Авен П.О., Широнин В.М. Реформа хозяйственного механизма: Реальность намечаемых преобразований // *Экономика и прикладная социология*. 1987. Вып. 3. С. 34; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // *Погружение в трясину (Анатомия застоя)*. М., 1991. С. 38–46.

⁴ Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 266; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 5–6.

⁵ См.: Артемов Е.Т. Указ. соч. С. 55–57.

⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. / Сост. В. Наумов, Ю. Сигаев. М., 1999. С. 91–92.

⁷ См.: *Атомный проект СССР: Документы и материалы*. В 3 т. / Под общ. Ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. 1938–1945. В 2 ч. М., 1998, 2002; Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1–7. М., 1999–2007; Т. 3. Водородная бомба. 1945–1956. Кн. 1. М., 2008.

- ⁸ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х тт. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 5. М., 2005. С. 558–561.
- ⁹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС... С. 367–368.
- ¹⁰ См.: Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: В 2-х тт. Т. 1. / Гл. ред. Н.Г. Томилина. М., 2009. С. 514, 518.
- ¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протоколы записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 47.
- ¹² Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 159.
- ¹³ Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени... Т. 2. М., 2009. С. 327–339.
- ¹⁴ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: 1998. С. 731.
- ¹⁵ Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. 10 мая 1957 г. // Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Седьмая сессия (7–10 мая 1957 г.). Стенографический отчет. М., 1957. С. 291–297.
- ¹⁶ Молотов, Маленков, Каганович. 1957... С. 458–459, 564.
- ¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. / Гл. ред. А.А. Фурсенко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 221–227, 865.
- ¹⁸ Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. / Сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прозуменщиков и др. М., 2007. С. 220.
- ¹⁹ См.: Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 годов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 79; Артемов Е.Г., Водичев Е.Г. Экспансия науки в Сибирь: политологический аспект // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 215–216.
- ²⁰ См.: Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 167–168.
- ²¹ См.: Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев и др. М., 2009. С. 173–174.
- ²² Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени... Т. 2. С. 332.
- ²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1972. Т. 8. С. 353–359 и др.
- ²⁴ Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 70-х гг. М., 1997. С. 86.
- ²⁵ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы... С. 286–288.
- ²⁶ Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени... Т. 2. С. 338.
- ²⁷ Веденев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990. С. 31–33.
- ²⁸ Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник. / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 38, 148.
- ²⁹ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 283, 1023.
- ³⁰ См.: Строев Н.С. Военная авиация // Военная советская мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 279–280.
- ³¹ См.: Черток Б.Е. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. 3-е изд. М., 2002. С. 311–313.
- ³² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 309.

*С.Г. Афонина
(Москва)*

ФРАНЦУЗСКИЕ КОМПАНИИ В РОССИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Российско-французские экономические связи имеют долгую историю. В.И. Бовыкин, крупнейший отечественный исследователь этой проблемы, полагает, что основу французского предпринимательства в России позапрошлого века традиционно составляла промышленность, преимущественно, текстильная и парфюмерная¹.

Успех предприятий, основанных французской иммиграцией, внушил французам-промышленникам и французам-банкарам доверие к рынку и способствовал их последующему приходу в страну. В частности, французские банки Société Générale,